

Маэстро доброжелательность

Доброжелательность. Так можно охарактеризовать все, что исходит от Дмитрия Маликова. Он доброжелательно здоровается, доброжелательно извиняется за то, что интервью немного задерживается, и вскоре возвращается. Доброжелательность источают все его жесты – от походки до легкого рукопожатия профессионального пианиста.

Алексей Певчев

Его ненавязчивый, быстрый переход «на ты» не имеет ничего общего, скажем, с хамским «ребята» субтильного Малежика (обращающегося так к собеседникам вне зависимости от их численности и положения). То, что Маликов садится на стол напротив и как бы «зависает» надо мной, происходит совсем не из-за того, что он старается сразу оговорить границы статусов и полюсов. Просто ему так удобнее. Сегодня Маликов, пожалуй, последний поп-герой постперестроечной эпохи, находящийся в нормальном творческом режиме, в то время как большинство его коллег так и не смогли выдержать нахлынувшей популярности. Интересно, что вариант медленного творческого угасания (как ни странно, практически идентичный как на рок-, так и на поп-сцене) Маликову не грозит. Он олицетворяет собой стабильность, благополучие, работоспособность. О таком примерном сыне мечтает подавляющее большинство родителей, о таком муже или хотя бы любовнике грезит немало девичьих сердец. Сегодня у него за плечами шесть записанных альбомов, Консерватория, съемки в кино и огромный музыкантский опыт, не позволяющий рассуждать об этом певце лишь как об эстрадном секс-символе. Своим спокойствием и здравостью в суждениях о новых поп-рокероях (Земфире, Борзове, Чириной) он рассуждает с мудростью Клиффа Ричарда, в середине 60-х понимающего, что появились The Beatles, но и его музыка все так же нужна аудитории. Маликов популярен скорее как автор для кого-то красивых, а для кого-то приторных поп-баллад. Может быть, именно поэтому его интересные инструментальные работы, например альбом «Страх полета» (1996), мало известны публике. Частично виноват в этом он сам, предпочитающий работать в проверенном жанре, с которым он ассоциируется у широкой аудитории. Недавно у Маликова вышел новый альбом «Игра». Это инструментальное прочтение известных российских песен – от «Подмосковных вечеров» до пьес друзей: Талькова, Преснякова и прочих.

[А.Певчев] После «Страха полета» ты долго не обращался к инструментальной музыке...

[Д.Маликов] На том альбоме я полностью творчески выложился, а любая фирма, выпускающая инструментальную музыку, относится к ней прохладно. Ее не очень любят на радио и ТВ, и сверхприбылей от

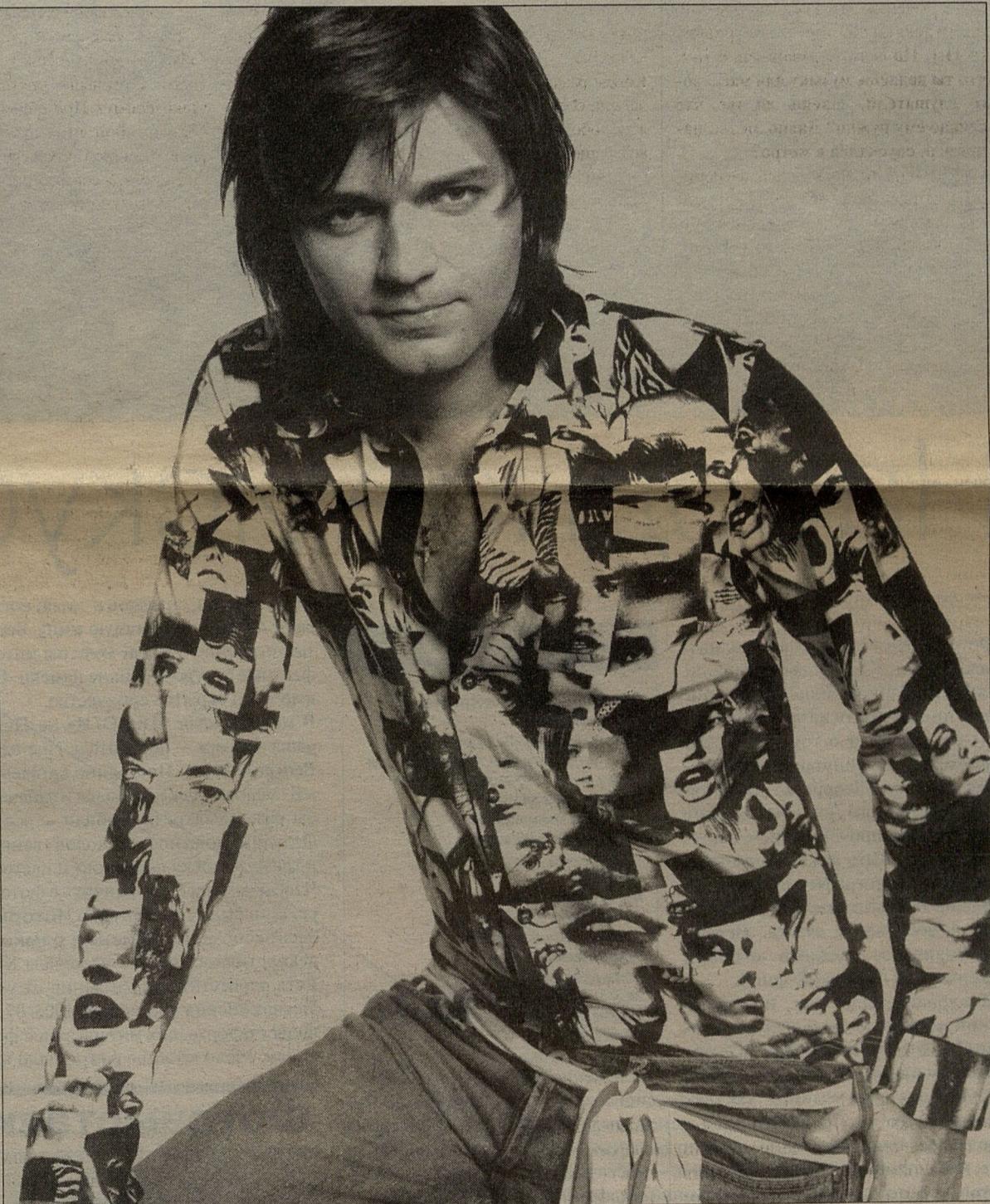

Фото из личного архива Д.Маликова

нее ожидать не приходится. Подобная музыка уместна в качестве саундтрека к фильму или шоу в духе Жан-Мишеля Жарра. Проделать работу по популяризации альбома с такой музыкой в одиночку – получить инфаркт в 35 лет. Выпускская «Игра», я преследовал две цели – показать себя как пианиста и продемонстрировать действительно интересные пьесы. Пока я не знаю, что из этого выйдет. Это музыка, которую, может быть, никто специально не слушает, но услышат все. Меня же этот альбом интересует в первую очередь только с точки зрения популяризации этой музыки.

[А.П.] Но, взявши сей час за запись альбома, любой профессиональный

музыкант строго просчитывает всю рентабельность мероприятия.

[Д.М.] В первой концепции «Игры» я думал об абсолютно романтическом, максимально «живом» звучании. Мне было очень важно записывать его на своей студии со своими людьми. Так что потратился я лишь на то, чтобы привезти сюда рояль. Я закончил Консерваторию, ну и решил, наконец, это как-то использовать. Другое дело, что проявление здесь пианизма – утилитарно и я специально не усложнял темы, доведя их до уровня вариаций. Одной из главных задач было сделать просто, но ни в коем случае не опуститься до уровня караоке.

[А.П.] Мне показалось, что никаких

новаций в области легкой, а уж тем более электронной музыки на альбоме нет, он скорее напоминает творчество весьма популярного в России пианиста Ричарда Крайдермана.

[Д.М.] Первый вариант альбома был более ортодоксальным, но со стороны выпускающей фирмы возникла идея придать ему более лаунджевое, мягкое звучание. Что касается Крайдермана, то определенные аналогии, конечно, есть. К тому же этот артист также выходит на Universal и продает сотни тысяч пластинок по всему миру. Но его звучание со слов представителей этой компании все же «немножко старомодно», поэтому важно было осовременить, придать материалу новое дыхание. Очень нелегко было работать с «Подмосковными

вечерами», поскольку эта вещь в силу определенной «затасканности» почти не поддается традиционной аранжировке. Еще хотели включить тему из «Доктора Живаго», но потом решили от нее отказаться.

[А.П.] Слушая «Игру», кажется, что ты осторожничашь, нарочно «сглаживаешь» звучание. Если западная компания делает установку на модное звучание, то почему бы не взять «молодые уши», как это делают многие маститые музыканты?

[Д.М.] Такой материал требует саундпродюсера высочайшего уровня, на которого просто бы не хватило бюджета. Если взять какого-то молодого специалиста... Он, может, сделает модный звук, но «убьет» композицию. Моя задача заключалась в том, чтобы сохранить душу песни, дать ей жизни и избежать эпигонства. В этом альбоме я не преследовал целей сделать что-то модное, но, работая в рамках жанра, я абсолютно открыл для контактов, и все новое всегда, безусловно, интересно. Поп-музыка – это компромиссное явление, но, когда некоторые станции просят что-то перемиксовать под свой формат, это не всегда легко сделать.

[А.П.] Почти все композиции написаны твоими друзьями много лет назад. Можно ли говорить, что ты попытался эти песни осовременить, вернуть им жизнь?

[Д.М.] У всех песен, сделанных в то время, есть много изъянов. Студии, на которых они записывались, сегодня уже устарели, появились возможности для новых аранжировок, но сам по себе материал очень сильный. На концерте памяти Талькова я в первый раз попробовал на публике свою версию песни «Летний дождь». На мой взгляд, она понравилась.

[А.П.] Судя по выбору песен на «Игре», кажется, что ты испытываешь определенную ностальгию по тем временам – по огромным залам, стадионным концертам, сегодня же ты

как будто намеренно избегаешь больших площадок и «сольников».

[Д.М.] В альбоме, конечно, есть элемент ностальгии, он и рассчитан на аудиторию от тридцати до сорока лет. Наверное, поэтому в нем нет такого резкого перехода к использованию технологий, как тебе хотелось бы. Что касается сольного концерта, то здесь возникает проблема психологически-организационная. Мне нужен продюсер такого действия. Человек, который грамотно бы поставил шоу, полностью задействовав все возможности звука, света, видео, живых музыкантов. Сейчас мои песни звучат, я востребованный артист, есть много гастрольных предложений, но для большого концерта, который

**«Для куражу»
ему вполне
достаточно
четверти бутылки
хорошего вина**

не стыдно было бы показать, нужны время и очень профессиональный подход. Выйти и просто спеть свои лучшие песни – не интересно.

[А.П.] В конце 80-х – начале 90-х не было FM радиостанций, понятия «формат», сложной административной схемы раскрутки артиста, да и само понятие «шоу-бизнес» было весьма условным. Кто-то из твоих коллег не выдержал этой гонки и в лучшем случае сошел с дистанции, кого-то уже нет. Тебе тяжело сейчас вписываться и, главное, удерживаться в новой схеме?

[Д.М.] Тогда все было в новинку, была эйфория от стадионов, гастролей, поклонниц. Потом все изменилось, и мы отчасти попали под тезис «Приходит опыт – уходит прыжок». С точки зрения внутренней организации шоу-бизнес – вещь крайне серьезная и структурированная. Нужно быть очень жестким человеком с точки зрения бизнеса. Крутые величины типа Тины Тернер или Стинга – по-хорошему весьма прагматичные люди. Апеллируя к «Диагностике кармы» Лазарева надо быть и святым, и дельцом. Я человек несовершенный, но пью умеренно, и для меня это не носит систематического характера. Наркотики я никогда не употреблял, наверное потому, что боялся зависимости. У меня существует четкое расписание, и каждый день нужно что-то сделать. Люди, которые об этом, к сожалению, забывают, и сходят с дистанции.

[А.П.] Ты часто удостаиваешься титулов «секс-символ», «лицо года». Один из почитаемых тобой музыкантов по имени Стинг очень скептически относился к такому вниманию к своей персоне, считая, что это отвлекает публику от музыки, которую он делает...

[Д.М.] Это нормально, поскольку здесь одно работает на другое. Мелочь, но приятно!

[А.П.] Как ты относишься к прорывам на западный рынок новых российских артистов? Я не говорю об Алсу, поскольку, как мне кажется, это явление временное. Речь скорее о чистом творчестве, в частности – об успехе «Роботов ППК» с темой Эдуарда Артемьева «Воскрешение».

[Д.М.] Это очень здорово! Отличный подход и отличная тема Артемьева из «Сибириады». Я всегда был уверен, что если этот прорыв и произойдет, то он осуществится со стороны новой электронной танцевальной музыки. У «Роботов» все отлично получилось, что подтверждают высокие места в британских хит-парадах.

[А.П.] Сейчас на почетных местах в хит-парадах – новое поколение артистов жанра фестивалей «Максидром», «Нашествие», формата «Нашего радио». Ты, как артист со значительным стажем и повидавший немало музыкальных волн, считаешь их времененным явлением?

[Д.М.] Совсем нет, и все это очень интересно. Это такая же поп-музыка: и не рок, и не «мейнстрим». В жанре «основного течения», скопее, работаю я, поскольку моя музы-

ка охватывает более массовую аудиторию. Нисколько не умаляя достоинств артистов, про которых мы говорим – они скорее используют рок-атрибутику, ориентируясь на молодежь. Я очень люблю Земфиру, она безмерно талантлива. Она похоронила огромный пласт женских имен, да и вообще традиционную поп-песенную поэзию. Земфира поставила многих, в частности и меня, перед очень сложной проблемой: найти тексты, достойные ее уровня.

[А.П.] Но если ты говоришь о том, что ты делаешь музыку для массового слушателя, знаешь ли ты, что сейчас ему нужно? Давно ли ты, например, спускался в метро?

[Д.М.] Я не чураюсь людей, а в период плотных предновогодних концертов на метро вообще везде успеваш быстрее. Я надел какую-то кепочку, чтобы не привлекать внимания... А в метро ничего, вроде бы, не изменилось, рекламы стало больше. Кто изменился, так это публика. Сейчас у меня более взрослая аудитория, чем раньше, и это нормально. Мне кажется, что люди немного устали от поп-музыки. Во многом это происходит из-за того, что этой музыки очень много. Многие артисты показывают себя слишком часто, но, чем чаще ты себя показываешь, тем выше должен быть уровень материала. Поэтому общие негативные шаблоны по отношению к эстраде поневоле примеряются и ко мне, хотя я намеренно стараюсь никуда не лезть. Сейчас такое время, что постоянно надо искать новые интересные формы и терпеливо доводить все до конца.

[А.П.] При такой жесткой форме организации у тебя наверняка масса задумок на будущее, которые ты вряд ли захочешь озвучить в нашей беседе...

[Д.М.] Ну почему же? В ближайшее время я все-таки хочу сделать песенный альбом и летом снять клип на природе (безумно надоели эти клаустрофичные ролики в павильонах). Недавно сделал симпатичную версию «Кто тебе сказал?» Добринина. На «Русском радио» скоро будет крутиться забавная версия Андрея Чижова моей песни «Ты одна, ты такая» в духе «Дискотеки Авария». У меня есть новый проект – очень талантливая девочка, можно сказать, почти в панк-ключе. Надо делать что-то с «Плазмой», может быть, поработать с ними за границей, где у них есть все шансы. Все это происходит очень естественно и, наверное, на зимнее время как-то заполнит эфир. А я пока подумаю, что делать дальше. Альбом «Игра» выпущен российским отделением всемирного концерна Universal с явным прицелом на Запад. Его звучание максимально приближено к музыке чил-аутов и коктейльных вечеринок. Жанр легкого слушания сейчас очень популярен, и у пластинки, сделанной на основе российского материала, по мнению западных представителей, есть все шансы на успех. Исполнительным продюсером «Игры» стал Матецкий, работавший над диском совместно с главой Universal music Russia Дэвидом Джанком.